

- Ху! Платите, платите! - В глухую ночь Цю Ибо наконец-то собрал первую за день выигрышную комбинацию, в то время как По Ицю на этот раз не повезло - он так и не смог выиграть ни одной партии.

Говоря об этом, можно лишь горько вздохнуть - даже если исписать всю бамбуковую дощечку, невозможно описать, насколько мастерски дядя Мин и Цю Ланьхэ обыгрывали их.

Цю Ибо и компания знали только самые простые правила маджонга - как брать и сбрасывать плитки, как объявлять победу. Что касается подсчёта очков или составления сложных комбинаций, они вообще ничего в этом не понимали. Но, как это часто бывает, чем хуже играешь, тем больше азарта. Подсознательно им хотелось собрать что-то грандиозное.

А вот старшие игроки умели считать плитки. Цю Ибо и По Ицю даже не задумывались об этом - теоретически они могли бы запоминать ходы, но у них просто не было такой привычки. В результате либо император, либо Цю Ланьхэ побеждали снова и снова, собирая всё более крупные комбинации, от чего у Цю Ибо и По Ицю просто глаза лезли на лоб.

Если бы они не были уверены, что Цю Ланьхэ и дядя Мин не могли жульничать прямо у них под носом, они бы точно заподозрили их в мошенничестве.

В этот раз Цю Ибо собрал скромную комбинацию, принёсшую минимальный выигрыш, но это его несколько не огорчило. Напротив, он радостно протянул руку, требуя деньги, и даже один лян серебра принял с восторгом.

Император Цзэ с сожалением посмотрел на Цю Ланьхэ, который в тот же момент взглянул на него, и оба с улыбкой покачали головами, отдавая выигрыш. На столике рядом с императором лежала толстая пачка банкнот, а разменное серебро было сложено в аккуратную горку. У Цю Ланьхэ ситуация была аналогичной. А вот у Цю Ибо и По Ицю на столиках остались лишь жалкие несколько серебряных слитков.

Честно говоря, император Цзэ изначально хотел немного поддаться и позволить молодым людям из семьи Цю выиграть. В конце концов, он сам дал слово. Когда он услышал, что они будут играть в маджонг, он подумал, что раз оба Цю - родственники Цю Ланьхэ, да ещё и выросли под его опекой (а тот был хитер, как лиса), то наверняка переняли его навыки. Император не хотел присваивать себе чужие заслуги и решил просто немного подкинуть им денег. Но кто бы мог подумать...

Он даже предположил, что молодые люди знают о его статусе и специально не выигрывают у него. Но когда игра закончилась и все открыли свои плитки, стало ясно - дело не в том, что они не смели выиграть, а в том, что у них просто не получалось.

Вместо того чтобы раздать деньги, он сам получил изрядную сумму от семьи Цю.

Цю Ибо и По Ицю, конечно, взяли с собой деньги, гуляя по городу, но не так уж много. Вчера, вернувшись домой, семья выдала каждому по три тысячи лян серебра. Теперь же не только эти деньги исчезли, но они ещё и задолжали Цю Ланьхэ десять тысяч. Всё проиграли старшим. В их карманах осталось всего двенадцать лян на двоих, и то лишь потому, что Цю Ибо выиграл одну партию. Будь иначе, у них не было бы и этого.

Возможно, сейчас они переживают самый бедный период в своей жизни.

Цю Ибо даже подумывал тайком вернуться в комнату, извлечь из своего хранилища золотую руду, переплавить её в слитки и потратить.

Дядя Ланьхэ, будучи чиновником, вряд ли получал огромное жалование – нехорошо спускать все его сбережения. Хотя большую часть денег выиграл именно он.

Мало кто останется недовольным, выиграв в азартной игре. Цю Ланьхэ и император Цзэ играли с огромным энтузиазмом, и даже редкие победы Цю Ибо и По Ицю их нисколько не смущали. Незаметно сменили уже три лампы, а прислуга и охрана начали поглядывать на небо с недоумением – скоро рассвет, разве их господам не нужно на аудиенцию?

По протоколу император должен был давно вернуться во дворец, а Цю Ланьхэ уже должен был отправиться на службу!

Но никто не осмелился прервать игру, и только когда на небе появились первые лучи солнца, Цю Ланьхэ наконец сбросил плитки:

- Ладно, пора закругляться. Если не выйдем сейчас, опоздаем на аудиенцию.

Император Цзэ невольно зевнул. В последний раз он не спал всю ночь во время наводнения в Фэйюньфу, когда вода затопила восемнадцать городов. С годами выносливость уже не та, что в молодости. Он махнул рукой:

- Раз не спали всю ночь, сегодня объявляю выходной.

Цю Ибо и По Ицю только сейчас осознали, что наступило утро. Они оба были из тех, кто ложится спать с восходом луны, а то и позже. Одна ночь за маджонгом для них – сущая ерунда.

- Благодарю, тогда и я возьму выходной, – лениво улыбнулся Цю Ланьхэ.

Император поднялся, и По Ицю тут же спросил:

- Дядя, не позавтракаете перед уходом? Мы с Шицзу, путешествуя, привезли много вкусного.

Император даже не остановился:

- Нет, после бессонной ночи нет аппетита.

Цю Ланьхэ слегка постучал пальцами по столу, с улыбкой глядя на них, давая понять, что настаивать не стоит. Сам он не встал, лишь сказал:

- Тогда не провожаю.

Император, не оборачиваясь, поднял руку в знак согласия и удалился.

Цю Ибо и По Ицю не придали этому значения. Их приглашение было просто формальностью, хотя после ночи за игрой между ними установилась лёгкая дружеская связь. Как только император ушёл, Цю Ибо почувствовал себя ещё свободнее и приказал:

- Подайте то, что мы приготовили вчера.

- Слушаюсь! – Один из слуг тут же удалился.

Вскоре по саду разлился сладкий фруктовый аромат. Цю Ланьхэ взял в руку нечто, напоминающее малину, но размером с его ладонь:

- Это...?

- Разновидность малины, - По Ицю лукаво подмигнул. - Мы нашли её в горах на крайнем юге. Везли в замороженном виде. Местные называют её «красная ягода». Нам тоже понравилось. Дядя Ланьхэ, попробуйте?

Цю Ланьхэ взял со стола небольшой нож, ловко разрезал ягоду, и аромат стал ещё насыщеннее. отведав, он кивнул:

- Действительно, редкостный деликатес... Остальные, выйдите.

Слуги и охрана тут же поклонились и удалились. Цю Ланьхэ добавил:

- И вы тоже.

С потолка бесшумно спустились двое и вышли, оставив троих наедине.

Цю Ланьхэ неторопливо нарезал ягоду на удобные кусочки и спросил:

- Ещё вчера хотел спросить: что с вами двумя? Откуда взялся двадцатый племянник?

Цю Ибо с ухмылкой обнял По Ицю за плечи:

- Угадайте?

Цю Ланьхэ прищурился, и в его взгляде мелькнуло что-то, напоминающее выражение лиц Цю Ибо и По Ицю:

- Не буду.

По Ицю указал на себя:

- Мы оба - Цю Ибо. Телом и духом. Просто использовали один секретный метод, чтобы разделиться надвое.

Цю Ланьхэ внимательно их разглядывал, наблюдая, как лицо По Ицю слегка изменилось, став точной копией Цю Ибо:

- Чтобы не вызывать лишних вопросов, я специально изменил внешность. Теперь в семье меня зовут «Цю Инон».

- Этот метод и вправду удивителен, - задумчиво произнёс Цю Ланьхэ. - Значит, вы жульничали за игрой?

Раз они могли подсматривать плитки друг у друга, как же они умудрились проиграть?

Цю Ибо всплеснул руками:

- Дядя Ланьхэ! Мы разделились, но мысли и воспоминания у нас разные! Если я хочу узнать, что видел он, мне придётся «забрать» Ануна обратно!

- Понятно, - кивнул Цю Ланьхэ. - Но разве это не неудобно?.. Кстати, ягоды отличные, оставьте мне немного.

- Нельзя сказать, что неудобно, - улыбнулся По Ицю. - Всё, что есть у меня, он может свободно взять. Дядя Ланьхэ, представьте: если бы у вас был двойник, и пока вы учите «Четверокнижье»,

он изучал бы «Пятиканоние», а перед экзаменами вы бы объединились – разве это не огромное преимущество? Эти ягоды быстро портятся без заморозки, а после разморозки теряют вкус. У меня есть неплохой артефакт, подождите, я его немного доработаю, и вы сможете хранить в нём ягоды.

- Значит, Бо'Эр, ты разделился, чтобы меньше учиться? – Цю Ланьхэ сразу ухватил суть.

Цю Ибо: «...»

По Ицю: «...»

Он знал слишком много.

Цю Ланьхэ усмехнулся, поняв, что попал в точку, и спросил:

- Надолго вы вернулись?

- Ещё не решили, – ответил Цю Ибо. – Пока не надоест... В доме ведь всегда найдётся для нас еда.

- Верно, – Цю Ланьхэ вытер губы салфеткой. – Но если не торопитесь уезжать, помогите мне кое с чем.

- С чем?

У ворот Интяньфу сегодня царило небывалое оживление.

Сначала двое богато одетых и невероятно красивых молодых людей ударили в барабан, требуя правосудия. Затем, вопреки обычаю, двери управы не открылись, но молодые люди не растерялись – они тут же наняли рассказчика и прямо у ворот начали представление.

- Говорят, Цю Шицзю и Цю Эршилань были прекрасны, как Пань Ань, а их облик пленял сердца. В народе ходит поговорка: «Увидев Цю-Гунцзы, забудешь о других, не увидев – всю жизнь жалеть будешь»¹. Так вот, вернувшись в Яньцзин после долгих лет странствий, они решили насладиться столичным великолепием. Отведав весенних рулетиков на востоке города и сливового вина на западе, испив вина в северной башне Ланьчжоу, они отправились на юг, где вдруг на их пути появилась прекрасная девица...

Голос рассказчика то взлетал, то опускался, интонации завораживали, разжигая любопытство слушателей. А учитывая, что рядом стояли те самые красавцы, о которых шла речь, все понимали – это и есть пострадавшие.

Согласно рассказу, молодые люди были из знатного рода Цю и обвиняли заведение «Байхуалоу» в южном переулке в мошенничестве. Более того, говорилось, что этот дом терпимости принадлежал... министру военных дел!

«Байхуалоу» был заведением для мужчин. Ходили слухи, что министр военных дел всегда сторонился женщин и вёл аскетичный образ жизни... Неужели...?

Жители Яньцина никогда не видели ничего подобного!

Некоторые узнали в рассказчике ведущего сказителя из лучшего чайного дома столицы «Сянькэлай». Обычно его выступления стоили сотни лян серебра, и он сам часто жаловался, что возраст берёт своё, голос уже не тот, поэтому выступал редко, отправляя вместо себя

учеников. Но сегодня эти молодые люди каким-то образом уговорили его лично явиться к управе и рассказать эту историю.

Цю Ланьхэ велел им раздуть вчерашний скандал как можно сильнее. Как именно – его не волновало, но весь Яньцзин должен был узнать об этом.

Цю Ибо и По Ицю сразу поняли, что заведение «Байхуалоу» принадлежало врагу Цю Ланьхэ – министру военных дел. Раздуть скандал? С удовольствием! Ведь они и сами не собирались оставлять это дело.

Управа Интяньфу не решалась разбираться в этом деле. В конце концов, вчера управляющий «Байхуалоу» был казнён по приказу императора. А теперь выяснилось, что там держали его собственного сына, сбежавшего из дома и проданного в мужчины-проституты! Кто бы стерпел такое? Тем более император – ведь эта страна принадлежала ему!

Теперь Цю Ибо и По Ицю обвиняли министра военных дел У Чжифэя. С одной стороны – древний род Цю, за которым стоял сам Цю-канцлер. С другой – всесильный министр. Глава управы Интяньфу готов был упасть на колени перед небом – зачем боги сводят счёты через него, мелкого чиновника?

Но он понимал, что делу не избежать. Вчера его подчинённые отправились по вызову и не вернулись – наверняка они столкнулись с этими двумя Цю.

Он был в отчаянии и в душе проклинал министра У Чжифэя. В столице полно знатных семей, у всех есть родственники и друзья, многие открывают лавки для дополнительного дохода. Вчера, когда к нему пришёл управляющий из дома У, тот сказал, что в их лавке хулиганят. Глава управы подумал, что в людном месте нельзя допускать беспорядков, и разрешил разобраться. Кто бы мог подумать, что нарвётся на семью Цю!

Если бы управляющий сказал, что в лавке буянят молодые люди из рода Цю, он ни за что не вмешался бы!

А теперь вся вина пала на него.

Тем временем при дворе царил переполох.

Император Цзэ, с момента восшествия на престол отличавшийся усердием, сегодня не явился на аудиенцию. Канцлер Цю тоже по неизвестной причине взял отгул. Вспомнив вчерашние слухи, придворные забеспокоились – похоже, кого-то ждёт опала.

Вчерашние события не были тайной, особенно для тех, кто следил за канцлером Цю. Вчера он лично отправился в южный переулок, в заведение для мужчин, и забрал оттуда двух молодых людей из рода Цю. Ночью заведение сгорело, многие погибли.

Выяснилось, что «Байхуалоу» принадлежало министру военных дел У Чжифэю. Конфликт между ним и канцлером Цю длился не первый день. Придворные ожидали, что сегодня министр нападёт на канцлера, но вместо этого... канцлер взял отгул, да и сам император не явился!

Чиновники переглядывались, не зная, что делать.

Наконец, старший советник Ван нарушил молчание:

- Коллеги, давайте пройдем в чайную!

Все поспешили согласиться.

Чайная была местом отдыха для чиновников перед аудиенциями. Из-за высокого статуса посетителей там служили лишь несколько проверенных евнухов. Старшие советники Ван, Цянь и Чжао заняли почетные места, остальные расселись по рангу.

- Все слышали о вчерашних событиях на юге города? - начал советник Ван.

Придворные молча кивнули.

- Полагаю, Его Величество недоволен, - продолжил Ван.

Присутствующие встревожились.

- Мы все здесь давно знакомы, поэтому могу говорить откровенно, - добавил советник Чжао. - Действия Его Величества должны заставить нас задуматься.

Придворные задумались и вдруг осознали скрытый смысл, с недоумением посмотрев на министра военных дел.

Император пропустил аудиенцию именно после скандала с «Байхуалоу». Учитывая его власть, дело явно не только в семье Цю - он недоволен всеми!

У Чжифэй держал чашку с чаем, внешне спокойный, но ладони его были влажными от пота.

Разве старшие советники стали бы просто так собирать всех в чайной? Значит, они что-то знают и пытаются предупредить. Некоторые вещи император не может обсудить открыто, но его терпение лопнуло. Он не хочет публичного разбирательства, чтобы двор не погряз во взаимных обвинениях. Поэтому советники и дают намёк.

А канцлер Цю отсутствует, вероятно, чтобы избежать обвинений в предвзятости.

Что касается «Байхуалоу», раз император так разгневался, что пропустил аудиенцию, дело явно не замнут. Теперь, подумав, все поняли: если информацию о владельце заведения так легко раскрыли, значит, кто-то специально её распространил. А кто мог за ночь донести её до всех заинтересованных?

Тут же все стали сторониться министра военных дел.

Некоторые даже презирали его. Хотя торговля и не считалась почетным занятием, но разве можно обойтись без неё? Свадьбы, похороны, подарки начальникам - на одно жалованье не проживёшь. Но все вели дела прилично: сдавали помещения в аренду, открывали лавки с косметикой или тканями, чайные или рестораны. Максимум - использовали связи для небольшой выгоды.

Но министр военных дел перешёл все границы! Высокопоставленный чиновник открыл публичный дом, да ещё и для мужчин! Позор для учёного!

В их династии чиновникам запрещалось посещать подобные заведения. Министр У, конечно, не ходил туда... потому что сам им владел! Говорили, что там использовали грязные методы, заманивая красивых юношей, и даже были студенты, приехавшие на экзамены! Чудовищно! В лучшем случае - это принуждение к разврату, в худшем - подрыв основ государства. Если

сегодня похищают студентов, то завтра – кого?

Неудивительно, что император даже не явился на аудиенцию – это предупреждение! Пусть все проверят свои семьи и подчинённых, чтобы не оказаться в подобной ситуации!

– Старший советник Ван, мы ни за что не допустили бы такого! – придворные наперебой стали заявлять о своей непричастности.

Ван поднял руку:

– Я не обвиняю никого конкретно. Но в больших семьях всегда найдётся паршивая овца, не так ли?

– Именно, именно...

Рассказчик у управы Интяньфу отыграл три представления. Если бы Цю Ибо и По Ицю не остановили его, перед ним уже стояла бы полная чашка медяков.

– Оба молодых человека горели гневом! – вещал рассказчик. – Цветы бессмертных, упавшие в мир смертных, они не ожидали встретить здесь такое унижение! Узнав, что даже у стен императорского дворца творятся подобные дела, они не смогли остаться в стороне!

– С детства странствуя, они мечтали применить свои знания на благо страны. Но видя, как жадные чиновники творят беззаконие, как могли они молчать? Ночью они написали жалобу, чтобы обвинить министра военных дел и показать народу, что справедливость ещё жива! Что поднебесная по-прежнему чиста!

– Отлично! – кричали в толпе.

– Откройте двери!

Вскоре крики «Откройте двери!» гремели под небом. Конечно, первые голоса принадлежали подставным зрителям, нанятым Цю Ибо и По Ицю – они хорошо знали эту тактику.

Наконец, двери управы распахнулись, и служитель крикнул:

– Кто здесь жалуется? На кого? Есть ли прошение?

Им тут же подали прошение, и служители вынуждены были впустить их в зал. Множество зрителей хлынуло внутрь. Вскоре служители с жезлами выстроились по бокам, скандируя «У-Вэй!», и на возвышение поднялся глава управы в красном чиновничьем одеянии.

Он ударил деревянной колотушкой, и зал затих:

– Потерпевшие Цю Ибо и Цю Инон обвиняют министра военных дел У Чжифэя. Прошение принято. Привести министра У Чжифэя!

Глава управы внутренне стонал. Он даже не посмел потребовать, чтобы обвинители встали на колени. Только что прибыл императорский посланник с указом – дело явно вышло за рамки обычного разбирательства. О каких частных договорённостях могла идти речь, если сам император уже в курсе?

Примерно через полчаса у управы остановилась карета, и министр военных дел У Чжифэй в пурпурном одеянии сошёл на землю. Его сопровождали два управляющих. Толпа расступилась,

бросая на него презрительные взгляды – вот он, министр, содержатель мужского борделя! Похититель юношей! Тьфу!

– Я здесь, – У Чжифэй стоял перед залом, слегка склонив голову. – Господин Лю, зачем вы вызвали меня?

Глава управы жестом пригласил его сесть.

– Уважаемый министр У, – он поклонился. – Сегодня, в силу своих обязанностей, я вынужден побеспокоить вас.

– Это моя обязанность, – ответил У Чжифэй.

Глава управы снова ударил колотушкой, и зрители затихли, внимательно следя за процессом.

– Потерпевшие Цю Ибо и Цю Инон обвиняют вас, господин министр, в злоупотреблении служебным положением, содержании публичного дома, моральном разложении и оскорблении императорского величества. Признаёте ли вы себя виновным?

У Чжифэй сделал вид, что потрясён, затем разгневался:

– Нелепость! Как я мог злоупотреблять положением? Или содержать публичный дом? Есть ли свидетели или доказательства? Без них это клевета!

– Ваша честь, – Цю Ибо шагнул вперёд. – Прошу вызвать свидетеля!

– Разрешаю!

Толпа снова расступилась, и в зал вошёл красивый молодой человек, ведущий за руку мальчика. Сам он не стал на колени, а ребёнок опустился на пол.

– Кто вы и почему не встаёте на колени? – спросил глава управы.

– Я – студент Чжэн Чжицзе из деревни Чжоуань. По закону, обладатели учёных степеней не обязаны становиться на колени.

– Понятно, – кивнул глава управы, но министр перебил его:

– Кстати, это напоминает мне...

– Студент Чжэн имеет степень и потому не встаёт на колени, – он посмотрел на Цю Ибо и По Ицю. – А вы, молодые люди из рода Цю, имеете ли учёные степени?

– Нет, – ответил По Ицю.

– Тогда почему не встаёте на колени? Или вы считаете, что раз ваш дядя – канцлер, вам всё дозволено?

Глава управы готов был разрыдаться. Министр явно решил бороться до конца!

– Идём, идём! – В зал вбежали двое слуг с красными подносами, покрытыми дорогой парчой. Цю Ибо и По Ицю улыбнулись и сняли ткань.

На одном подносе лежала золотая табличка с императорской печатью, дарованная

основателем династии Чжумин и дарующая иммунитет от смертной казни.

На другом – железный документ с красной надписью, пожалованный императором Гао-цзу, подтверждающий особые привилегии рода Цю.

Глава управы остолбенел. Он впервые в жизни видел эти реликвии – разве их не хранят в родовых храмах? Как они оказались здесь? Разве можно так просто их выносить?

Но род Цю был именно таким – могущественным и бесстрашным. Если бы не поговорка «мечом прошлой династии не казнят чиновников нынешней»², они бы достали и императорский меч, дарующий право казнить от имени императора.

– Господин У, – Цю Ибо держал железный документ с надписью «Как перед лицом самого императора». – Вы грамотный?

– К-конечно!

По Ицю усмехнулся:

– Тогда почему не встаёте на колени? Или у вас тоже есть императорский меч, железный документ или золотая табличка?

¹ Авторская отсылка к фразе «Увидев Чжоу-гуна, забудешь о других, не увидев – всю жизнь жалеть будешь» (о Чжоу Юе).

² Отсылка к фильму Стивена Чоу «Судья Ди и проказа».